

СЕРГЕЙ ГЕРМАН

ТЫ БУДЕШЬ ЖИТЬ

Сергей Эдуардович Герман

Ты будешь жить (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29818952
ISBN 978-5-7868-0039-6

Аннотация

Сергей Герман, по его словам, «ощущает себя только русским писателем», поэтому в его произведениях с такой силой чувствуются горечь и боль за Россию. Автор избегает патетики, не обвиняет и не вешает ярлыки. Он живёт жизнью своих героев, сопереживая вместе с ними радость победы, боль от ран, горечь предательства.

Содержание

Рассказы	5
Солдатская мать	5
Штурм	25
Возвращение	29
Засада	35
Последний абрек	39
Современная Голгофа	47
Школа ненависти	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Герман

Ты будешь жить

© С. Герман, текст, 2011

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление,
2012

*** * ***

Рассказы

Солдатская мать

*Посвящается матерям, чьи сыновья никогда не
вернутся домой.*

Над селом медленно вставало солнце. Хмурый рассвет осторожно выползал из-за линии горизонта, озаряя серые дома пугливым зыбким светом. В сараях завозились петухи, пробуя кукарекать неуверенным фальцетом.

Антонина Петровна Горшкова всегда просыпалась в одно и то же время.

С детства привыкшая вставать с петухами, она и сейчас открыла глаза, как только услышала петушиную возню. В доме с утра было прохладно. Антонина Петровна затопила печь, подоила корову и отправила её в стадо. Приближались холода и скотину пасли уже последние деньки. Выгоняя Зорьку со двора, Антонина Петровна дала ей посыпанную крупной солью горбушку; довольная корова, не торопясь, двинулась к стаду, смешавшись с тремя десятками таких же пятнистых буренок. Антонина Петровна жила одна. Муж несколько лет назад разбился на мотоцикле, а сын Валера уже второй год служил в армии. За домашней работой и

хлопотами пролетело утро. В десять часов почтальонша разносила почту.

По устоявшейся привычке Антонина Петровна вышла за калитку, чтобы самой встретить Галку с сумкой на плече. От сына давно уже не было писем и Антонина Петровна начала волноваться, не случилось бы чего с ним. Соседка Валя на все её страхи только махнула рукой: «Брось, Тоня, мой тоже писал каждую неделю, пока не отслужил год. А как только оперился, так сразу писать и забросил, за последний год только три письма и прислал». Антонина Петровна ей верила и не верила. Её Валера был не такой, как соседский шептун и непутёвый Толик. Он и после армии побыл дома месяц, покуролесил и укатил куда-то на север, присылая матери открытки к Новому году и 8 марта.

Вместо письма почтальонша дала ей жёлтую прямоугольную бумажку. Антонина Петровна повертела её в руках, не понимая:

– Галя, что это за письмо такое? Никак не разберу без очков. Почтальонка охотно пояснила:

– Повестка это, в военкомат. Не иначе с Валеркой что-то случилось, раз вызывают.

У Антонины Петровны захолонуло сердце. Она занималась домашними делами, поминутно поглядывая на часы, чтобы не опоздать на автобус. Потом, не в силах больше ждать, закрыла дом и побежала на остановку. Дребезжащий деревенский автобус подошел без опоздания. Антонина Пет-

ровна села у окна, не обратив внимания на бензиновую гарь и всю дорогу просидела молча.

Дежурный прапорщик с красной повязкой на рукаве повертел в руках её повестку, потом позвонил куда-то по телефону. Почти тотчас по лестнице спустился пожилой военный с большими залысинами на лбу и провел её в кабинет на втором этаже. Он долго перебирал на столе какие-то бумаги, не глядя ей в глаза. Антонина Петровна молчала. Военный встал, потом присел рядом с ней на стул:

– Антонина Петровна, я приношу Вам свои извинения за то, что мы вызвали Вас сюда. Молодая сотрудница по ошибке выписала Вам повестку.

У Антонины Петровны в груди шевельнулась надежда. Офицер продолжал:

– Надо было, конечно, мне приехать самому, но вечная нехватка времени. Я вполне разделяю ваши чувства, я сам отец, у меня два сына.

Сыновья майора Полипова учились в Москве: один в театральном училище, другой – в Институте международных отношений. Служить в армии они не собирались. Говорить об этом майор не стал.

– В общем так, подразделение, в котором служил ваш сын, попало в засаду и почти полностью погибло. Вашего сына нет ни среди убитых, ни среди раненых, – майор вытер пот со лба, зачем-то добавил, – вот такая катавасия.

Женщина непонимающе смотрела ему в лицо:

– Но ведь если Валеры нет среди убитых – значит он жив. Полипов встал, подошёл к окну:

– Да, такая вероятность существует. Может быть, он успел добраться до какого-нибудь села, – помолчал и добавил – а может быть, попал в плен, во всяком случае, мы не исключаем такой возможности. Если он жив, будем стараться его найти и освободить. Поверьте, мы сделаем всё возможное...

Полипов ещё что-то говорил, но Антонина Петровна не слышала его. Майор капал в стакан какие-то капли, потом поил её водой, неловко, проливая на пол. Очнулась Антонина Петровна уже у двери. Полипов провожал её, слегка придерживая под локоть. Она не слышала его голоса, не видела, куда идёт, в ушах стояло только одно: «Валера! Сыночек!»

Не помня себя, на ватных ногах Антонина Петровна добралась до автовокзала. Долго сидела на остановке, дожидаясь автобуса. Рядом сидели односельчане, говорили о погоде, о растущих ценах, о каком-то Ваньке, утащившем из дома телевизор и пропившем его. Раз или два её о чём-то спросили, но она сделала вид, что не слышит, боясь, что не сдержится и закричит в голос, забьется в истерике.

Полипов после того, как проводил Антонину Петровну, чувствовал себя неважно. Проклятая работа, надо идти на пенсию. Военком назначил его ответственным за такие мероприятия, сегодня ещё надо было организовать похороны старшего лейтенанта Миляева, опять будут слёзы, плач, истерика. Из пузырька, стоящего на столе, майор накапал себе

корвалол, морщась, выпил. Подумал, что на пенсию уходить ещё рановато: дети учатся, дом не достроен. Мысли его переключились на другое, на стройку нужно было завезти цемент, и через 10–15 минут он уже сидел на телефоне, яростно выбивая в ПАТП грузовую машину.

Добравшись домой, Антонина Петровна прилегла. Болею сердце. Потом с трудом встала, загнала в сарай мычащую корову. Зорька, как бы сочувствуя своей хозяйке, ткнулась лбом ей в живот, шумно и жарко дыша. Прошёл месяц. Антонина Петровна написала несколько писем в часть, где служил сын, командиру. Ответа так и не дождалась. Она решила ехать в Чечню, найти место, где пропал её сын. Может быть, удастся найти людей, которые видели Валеру.

На другой день вечером пришёл школьный учитель Николай Андреевич с женой. В селе уже знали, что Валерка Горшков пропал без вести в Чечне. Николай Андреевич передал ей триста рублей, покашливая, сказал:

– Слышали, Антонина Петровна, что собираетесь ехать, искать сына. Вот возьмите от нас с Валентиной Ивановной на дорожку и не вздумайте отказываться. Сами знаете, Валера у нас был любимым учеником.

Однажды, тоже вечером, приехал участковый Игнатенко, долго вытирал о скребок грязные сапоги, шумно сморкался в носовой платок. В дом проходить не стал. Постояли во дворе, поговорили о том, о сём. Между делом Игнатенко поинтересовался, когда Антонина Петровна собирается ехать, нет

ли писем из воинской части или людей, которые, может быть, видели сына. Участковый горестно вздыхал, снимая фуражку и вытирая лысину большим клетчатым платком. Хотел за чем-то заглянуть в сарай к корове и в баньку, но засовестился, засмутился и резко вдруг решил уйти. На прощанье за чем-то сказал:

– Ты извиняй меня, Петровна, начальство, будь оно неладно, требует. Мол, съезди к Горшковым, да съезди, может, солдат твой нашелся, или тебе надо чего. Горько и обречено махнул рукой и, не задерживаясь, уехал. В этот раз он даже не зашел к своему куму Даниле Опанасенко, на чарку.

Антонина Петровна так и не поняла, зачем он приезжал: помощь от властей предложить, что ли? Поднакопив чуть-чуть денег, она решила ехать. Однажды пришла соседка, она слышала по телевизору, что наших ребят, срочников, чеченцы отдают за выкуп. Тогда Антонина Петровна решила продать корову. Зорьку увёл армянин с соседней улицы. Корова долго и жалобно мычала во дворе, пока новый хозяин долго и нудно жаловался на жизнь, отсчитывал деньги. Антонина Петровна не стала выходить во двор, боялась, что заплачет. Корова, горестно мотая головой, пошла за новым хозяином.

Перед отъездом Антонина Петровна ещё раз съездила в военкомат, спросить, а вдруг есть какие-либо известия о сыне, ведь не иголка же. Полипов сразу её вспомнил, засуетился, созвонился с Минераловодским военкоматом, долго что-

то выяснял и согласовывал. Потом, довольно потирая ладони, сообщил женщине, что через два дня из Минеральных Вод в Чечню пойдёт автоколонна с гуманитарной помощью и её могут взять с собой. В этот же день Антонина Петровна выехала в Минеральные Воды. В поезде было много военных, совсем молодые ребята были пьяны, разговаривали резко, грубо. Офицеры почти совсем не обращали на них внимания. В Минводах она переночевала на вокзале и утром поехала в военкомат. В Чечню должны были ехать два армейских «Камаза» с дровами и автобус с теплыми вещами и продуктами для солдат. Сопровождали колонну казаки с карабинами. Они посадили Антонину Петровну в автобус и вскоре тронулись в путь. Впереди колонны шел зелёный БРДМ с контрактниками.

За рулём автобуса сидел совсем молоденький солдатик с тонкой, почти детской, шейкой. Антонина Петровна обратила внимание на его руки, серые от ссадин и цыпок. Покопавшись у себя в сумке, она достала большое румяное яблоко, протянула его мальчишке-солдату:

– Возьми, сынок, наверное, соскучился по-домашнему.

Не отводя взгляда от дороги, он улыбнулся смущенной детской улыбкой:

– Спасибо, матушка.

У Антонины Петровны защемило сердце, так её называл сын.

Часа через четыре колонна остановилась на блок-посту

с огромным транспарантом «Чеченская республика». Водитель, останови машину и заглуши двигатель». Небритые милиционеры о чём-то переговаривали со старшим колонны, заглянули в автобус, поочерёдно оглядывая Антонину Петровну. Она уже держала в руках фотографию сына. На её вопрос, не встречали ли они его где-нибудь, оба отрицательно покачали головами. За блок-постом колонна опять остановилась. Солдаты и казаки вышли из машин, по команде старшего зарядили оружие. Водители повесили на стекла дверей машин бронежилеты. К обеду были в станице Наурской. Старший колонны отвёл Антонину Петровну в военкомат, на прощанье пожал ей руку.

– Прощайте, мамаша, желаю Вам успеха.

Военком был на месте. Он вызвал к себе какого-то контрактника, приказал:

– Проводишь женщину к главе администрации, отдашь ему это письмо.

Глава администрации, пожилой чеченец с умным лицом и усталыми глазами, был дома. Прочитав записку, позвал жену:

– Хади, – сказал он ей. Накорми Антонину Петровну обедом, пусть отдохнет с дороги. А я попробую узнать, как ей быть завтра. Посоветуюсь со стариками, как ей попасть на ту сторону.

Пока Хади накрывала на стол, Антонина Петровна, чтобы не быть обузой, напросилась почистить картошку. Женщины

разговорились, говорила больше Хади, Антонина Петровна слушала:

– Наша станица считается уже освобожденной от боевиков, хотя по ночам тоже стреляют. Недавно кто-то поджёг школу. У нас жизнь почти мирная, пенсии вот стали давать, хоть какая-то работа появилась. Люди радуются, все уже устали от войны. А в Грозном ещё боевики, горит там всё. Утром посмотрите, до города километров семьдесят и над ним днём и ночью висит облако дыма. Вам, наверное, надо искать там. Говорят, что многих пленных солдат пригнали строить укрепления.

К вечеру появился Магомет Мусаевич, хозяин дома. Переодевшись, он колот дрова, потом долго умывался, ужинал. Всё это время Антонина Петровна сидела, ожидая каких-либо известий. Чтобы хоть как-то унять нервы, она начала вязать сыну тёплый свитер. После ужина Магомет Мусаевич подошел к Антонине Петровне. Она отложила спицы в сторону, Магомет Мусаевич помолчал, вздохнул:

– Завтра утром за Вами заедет машина с моим родственником, поедете с ним по сёлам. Дело ваше очень нелёгкое, но, думаю, что Всевышний вас не оставит, люди помогут.

Утром, после окончания комендантского часа, подъехала машина, старенький дребезжащий «Жигуленок».

За рулём сидел небритый мужчина, лет около сорока. Антонина Петровна сердечно попрощалась с хозяевами, Хади положила ей в сумку завернутые в полотенце тёплые пирож-

ки, сказала:

– Это Вам на дорожку.

До соседнего села ехали недолго. Здесь было всё то же самое: пустынные улицы, дома без занавесок, женщины в чёрном. Какое-то подобие жизни ощущалось на асфальтированном пяточке перед зданием администрации. Люди торговали всякой всячиной: на табуретках, грубо сколоченных столах лежали шоколадки, жевательная резинка, семечки.

Антонина Петровна зашла на рынок, разговорилась с женщинами, показала им фотографию. Никто никогда не видел её сына. Люди говорили, что искать надо на территории, не подконтрольной федералам. Советовали поговорить со стариками, те каким-то образом имели связь с полевыми командирами и боевиками. У многих в отрядах боевиков были сыновья, внуки, родственники.

В бесплодных поисках прошёл месяц. Антонину Петровну уже знали во многих сёлах, называли – солдатская мать. Несколько раз её задерживали армейские и милицейские патрули, доставляли в комендатуру, потом отпускали. Антонина Петровна решила пробираться в Грозный. По созданным коридорам туда и обратно ещё ходили люди. Выходили из Грозного женщины, старики – те, кого хоть кто-то ждал в России. Пытались выскользнуть и боевики. Однажды на посту задержали красивую девушку, светловолосую, синеглазую, она вела под руку старую, почти беспомощную чеченку, еле передвигающую ноги. Офицер что-то заподозрил –

больше эту девушку никто не видел. Люди говорили, что при досмотре у неё на плече обнаружили синяк от приклада винтовки, шептались, что она была снайпером из Прибалтики или Украины. В Грозный шли люди, потерявшие там своих близких. У многих в городе оставались дети, больные или немощные родители. Кто-то также, как и Антонина Петровна, искал своих сыновей, пропавших без вести. Однажды она услышала, как молоденький лейтенант, отдавая паспорт пожилой чеченке, сказал ей с горечью: «После этой войны нам всем придется заново учиться улыбаться».

Город лежал в руинах, лишь кое-где сохранились остовы домов. Грозный готовился к предстоящему штурму российских войск. Чеченцы и подгоняемые автоматами заложники строили укрепления, рыли окопы. Антонина Петровна забыла о еде и отдыхе. Иногда только вечером вспоминала, что сегодня ничего не ела. Однажды, в группе пленных, копающих яму, она увидела молоденького солдата, почти мальчишку с большим шрамом на лице.

Пленный косил взглядом в ее сторону, будто что-то хотел спросить или сказать, но не решился. Их охранял свирепого вида бородатый чеченец с палкой в руках. Антонина Петровна попробовала подойти к пленным, но чеченец бросил палку и навел на нее автомат, она испугалась, что он будет стрелять и отошла.

Спала Антонина Петровна в подвале разрушенного дома. Его обитатели искали пропитание в брошенных подвалах,

там встречались банки с овощами, варенье, иногда попадались даже консервы. Несколько раз заходили пьяные или обкуренные боевики, искали девушек или молодых женщин. На следующий день после того, как ее отогнал страшный чеченец с автоматом, она опять ходила на то место, хотела поговорить с мальчишкой-солдатом, но его нигде не было видно. Наверное, эта группа заложников уже работала в другом месте.

Однажды Антонина Петровна наткнулась на госпиталь, где оперировали боевиков. Робея, она стояла у порога, боясь войти. Врач в забрызганном кровью халате, пробегая мимо, крикнул:

– Чего стоишь, принеси быстро воды!

Антонина Петровна беспрекословно взяла ведро и пошла на колонку. Когда она принесла воду, врач непонимающе глянул на нее, потом протянул:

– А-а, это Вы... Извините, я кажется накричал. Зайдите ко мне в кабинет через два часа, я должен закончить операцию. Врач освободился через четыре часа, всё это время Антонина Петровна простояла у закрытой двери с табличкой «Главный хирург Кориёв А.Р.»

Выслушав ее, хирург сказал:

– Если Вы будете просто ходить по городу и искать, то никого не найдёте, хотя запросто можете угодить под обстрел или шальную пулю. Мне как раз нужна санитарка, зарплату я Вам не обещаю, а вот ночлег и еду получите. – Кориёв за-

курил и добавил:

– У нас тут много народа бывает, может, кто-нибудь вашего сына и встречал.

Так Антонина Петровна стала работать в госпитале. Она мыла полы, выносила утки, носила воду, делала всю тяжёлую грязную работу. Ее не обижали, чеченцы называли её – мама Тоня.

Зайдя однажды в подвал, в котором обитала раньше, она принесла хлеб и лекарство трехлетней девочке, живущей с матерью, похоронившей всех своих близких. Заговорившись, она не заметила, как пролетел отпущенный ей час. Случайно глянув в подвальное окошечко, она увидела группу людей, стоящих под охраной боевиков. Один человек, Антонина Петровна не видела его лица, стоял на коленях чуть поодаль. Его голова лежала на большой деревянной колоде, которые обычно используют при рубке мяса. Женщина испуганно вскрикнула:

– Что это?

Мать девочки безучастно ответила, что один из заложников хотел украсть гранату, но его поймали и сейчас судят шариатским судом. Один из чеченцев зачитал бумагу, Антонина Петровна не расслышала слов. Потом здоровенный мужчина взял в руки топор, провел ногтем по лезвию и, размахнувшись, с утробным хеканьем рубанул лезвием по колоде. Сначала женщина не поняла, что произошло. Несколько мгновений тело находилось в прежнем положении, по-

том оно завалилось в сторону. С глухим стуком голова упала на землю, из окровавленного разрубленного горла хлынула кровь. Тело билось в агонии, казалось, что человек пытается встать. Через некоторое время ногти заскребли по земле, туловище выгнулось и затихло. Притихших и подавленных заложников куда-то увели.

Антонина Петровна, замерев от ужаса, побежала в госпиталь. Всю ночь она вздрагивала и не могла заснуть. Наутро привезли большую партию раненых. Кориев не отходил от операционного стола, ампутированные конечности складывали в полиэтиленовые мешки и сжигали в больничной кофегарке.

Поздно ночью в сопровождении большой свиты боевиков привезли бородатого чеченца лет сорока. Осколком ему разворотило живот, ранение было тяжёлым, и раненый был без сознания. Из разговоров окружающих и по царившему переполоху Антонина Петровна поняла, что привезли какого-то важного полевого командира, чеченского генерала. Кориев немедленно встал за операционный стол. Раненого, его звали генерал Муса, после операции поместили в отдельную палату, рядом посадили одного из охранников. Антонине Петровне Кориев приказал безотлучно находиться рядом. Генерал бредил, скрежетал зубами, пытался сорвать повязки. Антонина Петровна промокала его влажное от пота лицо салфеткой, пытаясь облегчить боль и страдания незнакомого человека. Она была простой деревенской женщиной, нико-

гда не делила мир на русских и нерусских. Помогая сейчас выжить этому человеку, она представляла, что кто-то сейчас возможно помогает её сыну.

Несколько суток раненый находился в забытьи, поднимая на Антонину Петровну мутные от боли, ничего не видящие глаза, и тут же их прикрывая. Наконец, среди ночи он неожиданно открыл глаза и что-то хрипло спросил по-чеченски. Антонина Петровна восторговнулась и наклонилась к его лицу:

– Что, сынок?

Он долго смотрел на неё, потом переспросил по-русски:

– Кто ты?

Положив ему на лоб прохладную ладонь Антонина Петровна ответила:

– Я – мама Тоня, солдатская мать. Спи, сынок, всё будет хорошо.

Он обессилено закрыл глаза и вновь задремал.

Шло время, раненый чеченец шёл на поправку. Ему сбрили бороду и он оказался совсем молодым мужчиной, лет тридцати с небольшим. До войны он работал преподавателем Грозненского нефтяного института; когда пришёл к власти Дудаев, молодые учёные-экономисты, увлечённые чеченским лидером вошли в его команду. Потом началась война, полилась кровь. Всю территорию Чечни перепахали осколками мин и снарядов. Всю нормальную экономику парализовала война. Народ, лишённый источников существования, стал мародёрствовать, грабить, убивать. Во всех бедах

были обвинены русские. Десятки и сотни тысяч нечеченцев лишились своего имущества, а кто-то и жизни. Буйным цветом расцвела работорговля. Чеченская революция, как и все революции в мире, превратилась в бойню. Всё это генерал Муса рассказывал Антонине Петровне долгими ночами, когда его немного отпускала боль и набегающие мысли не давали покоя. Казалось, что он просто размышляет вслух, пытаясь выплеснуть свою боль. Простая деревенская женщина, сама глубоко несчастная и обездоленная, слушала его молча, хорошо зная, что ничем не сможет ему помочь.

Однако, когда раненому уже стало легче, он всё равно просил Антонину Петровну, чтобы она посидела рядом с его кроватью. В ответ на его душевные терзания женщина рассказывала ему о своей немудрящей и незатейливой жизни: как вышла замуж, как родила сына. Как он первый раз произнес: «мама». Как его, маленького, поддела рогами корова, как он плакал от жалости, когда отец за это ударил корову палкой. Генерал засыпал под её неторопливый размеренный голос, и впервые за последнее время на его лице появился покой.

Однажды Антонине Петровне принесли адресованную ей записку. Писал ей тот самый солдат со шрамом, которого она видела на рытье окопов: «Тетя Тоня, я Вас сразу узнал. Я видел Вас на фотографии с вашим сыном Валерой. Меня держат в подвале полевого командира Исы Газилова и, наверное, скоро убьют. Меня зовут Андрей Клевцов».

С трепещущим сердцем и дрожащими руками Антонина Петровна бросилась на поиски Кorieва. Не найдя его в госпитале, забежала в палату, где лежал Муса. Чеченский генерал не спал; лежа на спине, он читал какую-то толстую книгу. Увидев её заплаканное лицо, отложил в сторону книгу, строго спросил:

– Что случилось? Кто Вас обидел?

Трясаясь от рыданий, Антонина Петровна, протянула ему записку, сбиваясь и захлёбываясь слезами стала рассказывать о том, как искала своего сына. Выслушав её, Муса что-то крикнул в коридор по-чеченски. Прибежал охранник с автоматом, дежуривший в коридоре. Бросив ему несколько фраз, Муса сказал Антонине Петровне:

– Вас проводят к Газилову и обратно. Желаю Вам успеха.

Резиденция полевого командира Исы располагалась в кирпичном трёхэтажном доме, не разрушенном войной. Во дворе дома стояло несколько джипов, толпились боевики. Подвал дома был перегорожен металлической решёткой, на сваленных в кучу матрацах сидело и лежало с десятков пленных солдат. Сопровождающий Антонину Петровну чеченец о чём-то коротко переговорил с караульным, и Антонину Петровну провели в беседку во дворе. Она пояснила, что ей нужен Андрей Клевцов, солдат со шрамом на щеке. Через несколько минут привели Андрея, он был худ и измождён. Ветхая одежда была порвана и местами лоснилась от грязи. Антонина Петровна присела рядом с ним на скамейку, бое-

вики встали поодаль.

– Ну, рассказывай, сынок, всё рассказывай.

– Я служил с вашим Валерой в одном взводе, даже кровати стояли рядом. У него я и увидел вашу фотографию. В Чечню нас отправили вместе, опять были в одном отделении. Когда колонна попала в засаду, и наш БТР подорвался на mine, Валерку контузило, мне осколок попал в лицо, – он показал на свой шрам. «Чехи» расстреляли нашу колонну, а когда уходили, заметили, что мы живы, прихватили с собой. Валерка был очень плох, почти не мог идти, я, сколько мог, тащил его на себе. Потом «чехи» нагрузили на меня цинки с патронами, а Валерку пристрелили, чтобы не задерживал отход.

Антонина Петровна слушала молча, в отчаянии закрыв лицо руками.

Андрей всхлипнул:

– Это было под Ножай-Юртом, я просил, чтобы Валерку не убивали, говорил, что он мой брат. Мне только разрешили присыпать его землей, чтобы не сожрали собаки. Я отнес вашего сына в воронку и похоронил под тополем.

Он расстегнул рубашку и снял с шеи медный крестик: – Вот, это его. Валера просил отдать крестик Вам, он знал, что Вы его найдёте.

Закрыв лицо ладонями, Антонина Петровна зарыдала. Боль утраты, горечь одиночества сотрясали её тело. Она кусала сжатые кулаки, чтобы не закричать в голос.

– Скоро, наши пойдут на Грозный, и нас, скорее всего,

расстреляют. «Чехи» звали к себе, агитировали воевать за свой ислам, но я – русский и в русских стрелять не буду, – он сплюнул на землю, растер плевков подошвой. – Это хорошо, что я Вас встретил. У меня никого нет, детдомовский. Очень обидно умирать, зная, что никто даже не узнает, как ты умер, и где тебя закопали.

Антонина Петровна прижала к себе его голову, сказала сквозь слёзы:

– Спасибо, сынок, что нашёл меня. Держись, ты будешь жить. Господь не оставит тебя в беде.

Пошатываясь, она пошла к воротам, сопровождающий пошёл следом. Андрея опять отвели в подвал.

В госпитале она сразу пошла к генералу.

– Муса, – сказала она, – Я – мать. Мне нет разницы, кто передо мной, мне одинаково близки русские и чеченские дети. Я недавно спасала тебя и сейчас прошу как мать. Спаси моего сына! Он у Исы Газилова и пока ещё жив.

Муса долго думал, молча смотря в окно. Может быть, он вспоминал свою мать или думал о людях, которых убили по его приказу и которых никогда не дождутся их матери.

– Ахмет, – крикнул он негромко, тут же рядом с ним появился охранник. – Принеси мне ручку и бумагу.

Написанную записку он свернул вчетверо и отдал Ахмету.

– Срочно отнеси это Исе и заведи у него этого солдата. Как его зовут? – спросил он у Антонины Петровны.

– Клевцов, Андрей Клевцов, – торопливо ответила она.

Приведёшь этого Андрея Клевцова сюда и отдашь матери. Исе скажи, пусть подберет для него одежду и какой-нибудь документ. А то его или наши пристрелят или федералы, они это делают очень быстро.

Обессилев, генерал Муса откинулся на подушки. Антонина Петровна промокнула его влажный лоб полотенцем и села ждать.

Через час привели Андрея. Она нагрела ему ведро с водой, и пока он мылся, собрала на стол нехитрую снедь. На следующий день мать и сын покинули город. Боевики из отряда генерала Мусы вывели их по своему коридору из осажденного города. Смешавшись с толпой беженцев, они прошли контроль на блок-посту. Дежуривший лейтенант узнал Антонину Петровну и по-свойски ей улыбнулся:

– Ну, что, мать, нашла всё-таки воина?

Антонина Петровна чуть улыбнулась в ответ. Андрей держал её под руку, помогая идти. Когда электричка от Ищерской подходила к Минводам, она, внезапно вспомнив, достала из сумки незапечатанный конверт, который ей вручил перед отъездом генерал Муса. На тетрадном листке было всего несколько слов: «Чтобы доказать свою силу, не обязательно встречаться на поле брани».

Ни Антонина Петровна, ни Андрей больше никогда не встречались с генералом Мусой. Война продолжалась ещё долго, но никто так и не сказал правду, за что и почему одни люди так ожесточённо убивали других.

Штурм

В начале января 1995 года Федеральные войска вели ожесточённые бои за железнодорожный вокзал Грозного и прилегающие к нему дома. Батальон морской пехоты целую неделю штурмовал депо и близлежащие пятиэтажки. Грозный горел, дома зияли пустыми глазницами выбитых окон, почерневшие от огня деревья тянули к небу обожженные ветки. Чёрные снежинки копоты от горящих цистерн опадали на свежий снег, превращая его в грязную серую кашу.

Здание вокзала и часть депо в течение недели семь раз переходили из рук в руки, чеченцы безостановочно контратаковали, и комбат уже несколько раз запрашивал подкрепление. Положение было угрожающим. За неделю непрерывающихся боев люди выбились из сил. Используя минутное затишье, бойцы спали посменно, поджав ноги и прижимая к себе оружие. Миномётный и артиллерийский огонь всегда начинался не вовремя и не приносил большого вреда противнику. В конце концов, подполковник Бондарь вынужден был отвести остатки батальона к разбитому вокзалу. В разбитой пятиэтажке, расположенной напротив вокзала, засели снайперы, и пули то и дело щёлкали над головами, выбивая куски штукатурки и кирпича.

Все подходы к зданию вокзала просматривались и простреливались снайперами. Бондарь с тоской смотрел в окон-

ный проём, на привокзальной площади, в застывших позах, лежали его бойцы. Многие из них погибли ещё при первом штурме. Комбат, как сейчас, видел перед собой бросившихся в атаку бойцов и огненные струи, которые ударили сразу из нескольких точек. Пулемётные очереди резали людей пополам, кинжальный огонь не давал поднять головы. Стыли и просили помощи раненые. Бондарь послал им на помощь санинструктора, но его почти сразу же убил снайпер. Раненые и убитые лежали вместе до темноты. Тех, кто остался жив, ночью затащили в подвал. Многие из них были без сознания, те, кто мог ещё держать в руках оружие, залегли с автоматами и гранатами в руках у дверей. Комбат знал – это конец. Люди были измотаны и еле держались на ногах. Умом он понимал, что батальон бросили на произвол судьбы, но гнал от себя эти мысли. За двадцать лет службы он привык к мысли, что командир всегда прав. Долг солдата – не рассуждать, а выполнять приказы. Сколько за всю многолетнюю службу было этих дурацких приказов? Но, если раньше, выполняя их, он чувствовал себя кретином, сейчас, видя, как гибнут люди, он чувствовал себя убийцей. Кому пришла в голову мысль кинуть людей под шквальный огонь, ставить сроки и невыполнимую задачу? Кто додумался штурмовать вокзал без предварительной разведки и артподготовки?

Смеркалось. Бондарь обходил оставшихся в живых бойцов, подбадривая их, как мог. В Волгограде у него осталась жена и двое сыновей. Со щемящим сердцем он представлял

на месте усталых израненных солдат своих Валеру и Сашу. Небо затягивалось тучами, подул холодный зимний ветер. В сердце копошилась тревога, комбат думал о том, что «чехи» вряд ли упустят возможность уничтожить ночью остатки батальона. Темноту ночи то и дело освещали вспышки ракет, редкие выстрелы нарушали тишину ночи. Ближе к утру дозорные заметили перебегающие тени. Робкую тишину вспороли очереди пулемётов и автоматов, гулко забухали взрывы гранат. Поняв, что их обнаружили, «чехи» завывали: «Алла акбар». Ночная атака была отбита. Всю оставшуюся ночь никто не сомкнул глаз. Бойцы набивали патронами магазины, курили, готовились подороже продать свои жизни.

К Бондарю подошёл прапорщик Мишин. Они были ровесники. В Волгограде их семьи жили в одном доме и Мишин позволял себе без свидетелей обращаться на ты:

– Саня! – сказал он, кусая губы – ты не подумай чего плохого, но я тут письмо написал семье. В общем, если что случится, то передай его моей Наталье. Он помолчал:

– Ну и вообще, не забудь детей, проследи, чтобы людьми выросли, сам знаешь, что в таких случаях делается.

Его рыжие усы печально смотрели вниз. У комбата не хватило духа произнести какие-то дежурные, ободряющие слова – люди на войне стараются избегать пафоса.

Предчувствие у меня нехорошее, Саня, чувствую, что убьют скоро, не выбраться мне отсюда. Бондарь обнял его за плечи:

– Не сомневайся, если что случится, ни тебя, ни семью не оставим. Только вот кажется, что крышка будет всем.

Перед рассветом к вокзалу пробились танки и БТРы 8-го корпуса. Пока они из пушек расстреливали близлежащие пятиэтажки, солдаты грузили на машины раненых. Мишин с несколькими солдатами остался на броне. Пуля снайпера попала ему в голову, когда колонна под прикрытием танков выходила из города.

Возвращение

Осень 1943 года в Чечено-Ингушетии выдалась удивительно хлебородной. Зерном были завалены все склады и амбары. Чечено-Ингушская республика перевыполнила план по хлебосдаче. Подводы с зерном безостановочно шли на хлебоприемные пункты, на которых висели транспаранты «Всё для фронта, всё для победы», «Чечено-Ингушский хлеб – фронту».

У старого Исы был праздник, внуку Магомету после госпиталя дали отпуск. Он ещё не поправился после ранения, но ходил по селу, молодцевато выпятив грудь, на которой горделиво позванивали медали.

Заканчивалась зима, наступил февраль. Советские войска громили немецкую армию, и был уже виден конец войны. Магомет окончательно поправился и вернулся на передовую. К Исе часто забегала соседка Айшат, интересовалась, нет ли писем от Магомета. Он воевал где-то в Пруссии, писал не часто. Из последнего письма старик знал, что внук получил орден, в разведке захватил какого-то важного «языка» – полковника или даже генерала.

Ходили тревожные слухи, что Гитлер со дня на день должен сбросить десант на Чечено-Ингушетию. В канун праздника, дня Красной армии, ночью, в селе начали мычать буйволы и коровы. Старик забеспокоился, сердце чуяло беду.

23 февраля, утром, село окружили солдаты. К сельсовету подъехали несколько крытых брезентом студебеккеров. Всех жителей собрали на площади, капитан НКВД, руководивший операцией, зачитал приказ – чеченцы и ингуши объявлялись врагами народа и подлежали высылке в Казахстан.

После того, как приказ был зачитан, офицер предупредил о том, что на сборы даётся три часа. Все, кто попытается скрыться, будет расстрелян на месте. С собой разрешалось брать только необходимые вещи.

Людей загоняли в машины. Женщины плакали, ревела скотина, выли собаки. В освобождающиеся дома заселялись осетины, забирали себе вещи, скарб, скотину.

Теперь уже бесправных людей, изгоев, везли на станцию. Штыками и прикладами их загоняли в вагоны-товарняки, предназначенные для перевозки скота. Наглухо задраили двери, поставили часовых, приказав, в случае попытки побега, стрелять без предупреждения.

Составы пошли в казахстанские степи. В дороге не кормили, питались тем, что успели взять из дома. Старики, женщины, дети и немногие из мужчин ехали вместе. Самые слабые были не в силах выдержать изнурительной дороги и умирали от болезней. Горянки, не смеющие в присутствии чужого мужчины даже открыть лицо, не могли на глазах у всех ходить в туалет. Были случаи, когда женщины умирали от разрыва мочевого пузыря.

Местная знать, партийные работники, сотрудники НКВД

тоже ехали в этих составах, но только в купейных вагонах. Особого распоряжения в отношении них ещё не было.

В то же самое время спецгруппы НКВД вывозили людей из горных селений. Там, где не могли пройти грузовики, людей выводили пешком. В селе Хайбах, больных и стариков, которые не могли идти сами, закрыли в сарае и сожгли.

Чеченцев и ингушей, находящихся в армии, также разоружали, отправляли в Казахстан под конвоем. Не избежал общей участи и Магомет. Его вызвали в штаб, приказали снять погоны и сдать ордена. Только через несколько месяцев Магомету удалось, с разрешения коменданта, перебраться на жительство в соседнее село, где жил его отец.

Через некоторое время вышел дополнительный указ правительства. Сосланным запрещалось работать на руководящих должностях, а также инженерами, преподавателями, бригадирами. Первый год люди жили в землянках, снимали углы в домах местных жителей.

Постепенно жизнь налаживалась, высланные обустроивались на новом месте. Чтобы прокормить свои семьи приходилось много работать, кое-кто подворовывал в колхозе зерно, сено.

Жизнь и судьба высланных людей были в руках военного коменданта. За самовольное оставление работы или побег из места ссылки грозил трибунал и двадцать лет лагерей.

Старый Иса умер, его похоронили на местном мусульманском кладбище. Магомет взял в жёны Айшат, у них родилось

двое детей. Построили камышовую мазанку, перебрались в неё из землянки.

Магомету часто снился родительский дом, речка, куда в детстве бегал купаться, старая мельница, на которой отец молот муку.

Его дети, родившиеся в степи, среди безбрежных зарослей ковыля, часто спрашивали:

– Папа, что такое, Кавказ?

Мечтательно улыбаясь, Магомет отвечал:

– Кавказ – это счастливый сон. Когда я закрываю глаза, мне кажется, что рядом родные горы с белыми шапками на вершинах... Горы дрожат в утреннем мареве, и я кажусь себе сильным, потому что за меня мои горы. Они не предадут и не обманут.

Наконец, в 1957 году, чеченцам и ингушам разрешили вернуться в места прежнего проживания. Магомет и Айшат собрали скарб и сразу же стали собираться. После высылки в их домах поселились осетинские семьи. Многие из них, после возвращения прежних хозяев, оставили дома и уехали из села.

В доме, когда-то принадлежавшем старому Исе, жила семья Бетиевых. Глава семьи Казбек Бетиев работал бригадиром и уезжать не хотел.

У Магомета разболелись фронтовые раны и он попросил, чтобы его определили сторожем на птицеферму.

Жили они пока у родственников. Айшат робко намека-

ла на то, что нужно строиться. Магомет же не мог спокойно смотреть на родительский дом, в котором сейчас жили чужие люди. Проходя мимо, он всегда непроизвольно искал глазами родные окна. Казалось, что сейчас, в оконном проёме покажутся мама или отец.

Встретив однажды Казбека Бетиева, Магомет сказал ему:
– Приходи вечером на ферму с мешком, дам тебе десяток хохлаток.

Сторожа на ферме потихонечку приторговывали птицей и кормом, поэтому Казбек не заподозрил ничего плохого.

Вечером Магомет сунул ему в мешок с десяток отобранных кур, махнул рукой на протянутые деньги:

– Зачем обижаешь? В моём доме живёшь, почти родственник.

Обрадованный Казбек не обратил внимания на его интонацию. Когда он перелезал через изгородь, Магомет окликнул:

– Эй, Казбек, погоди!

Заряд картечи опрокинул Бетиева навзничь. Из дыры в груди хлестала кровь. Казбек пытался что-то сказать, но кровь залила губы, он дёрнулся и умер.

Магомет долго стоял, опершись на ружьё и опустив голову. Вспоминались детство, война, грязные вонючие вагоны, в которых его – фронтовика и орденоносца – везли в ссылку. Везли, как труса и предателя, в грязной телогрейке с сорванными погонами.

На душе было темно. Сердце плакало, как в тот день, когда его увозили вдаль от дома. Бросив ружьё, Магомет пошёл к дому, где жил председатель колхоза. Надо было вызвать милицию и сообщить, что он убил вора, укравшего колхозных кур.

На следующий день все осетинские семьи уехали из села.

Засада

Автоколонна двигалась через мёртвый обезлюдевший город. Серые закопченные стены домов провожали её пустыми глазницами выжженных, разбитых взрывами окон. Слякотная кавказская зима оплакивала мертвых и еще живых людей каплями непрекращающегося дождя. Пятна мазута, перемешавшись с дождём и снегом, переливались на тусклом солнце всеми цветами радуги, подмигивая проходящим машинам внезапной рябью от налетевшего ветра. Было холодно и страшно. Впереди и позади колонны ползли два серо-зелёных танка, кромсая уцелевшие клочки асфальта черными грязными гусеницами.

Солдаты сидели в крытом серым брезентом грузовике, тесно прижавшись друг к другу мокрыми бушлатами и зажав автоматы между колен. Многие дремали. В сырой и гулкой тишине утра раздавался рёв моторов, где-то вдалеке безостановочно ухал миномет.

Улица, ведущая к Беликовскому мосту, была завалена кирпичными обломками, строительными блоками, покореженными листьями ржавой жести. Головная машина, рыча и выпуская клочья сизого дыма, осторожно пробиралась между завалами.

Стволы пулемётов безостановочно шарили по безлюдным улицам, мертвым домам, обожженным деревьям, подозри-

тельно задерживая свой взгляд на перекатываемых ветром обрывках тряпок.

Прапорщик Савушкин, пересев на место механика-водителя, припал лбом к резинке смотровой щели, напряженно вглядываясь в серое утро. На его виске пульсировала синяя жилка, по щекам катились капельки пота. Внезапно в перекрестье прицела пулемета мелькнула труба гранатомёта, выглядывающая из подвала разрушенной комиссионки. Жерло трубы плавно перемещалось вслед за колонной.

«А-а-а-а!» – закричал стрелок, нажимая на электропуск пулемётов. Остро и горько запахло сгоревшим порохом, посыпались гильзы. Стрелок увидел, как пули вырвали из стены обломки кирпича, и это было последнее, что он увидел в своей жизни. Головной и замыкающие танки стали приподниматься, будто у них выросли крылья. Почти одновременно с этим раздались звуки взрывов. Шедший за передним танком бронетранспортёр, пытаясь увернуться от стены огня, внезапно выросшего перед ним, уткнулся носом в покореженные деревья. Не подававшие до этого признаков жизни проёмы дверей и окон ошетинились огнем. Выстрелы гранатомётов и автоматные очереди рвали жёсть и броню машин, кромсали человеческие тела. Обезумевший грузовик взревел, и, хлопая пробитыми скатами, медленно пополз на Беликовский магазин. Разодранный тент горел, оставшиеся в живых солдаты стреляли через брезент, прыгали и падали на горящий асфальт, тут же попадая под свинцовые струи.

Грязно-зелёные промасленные бушлаты вспыхивали огнем, солдаты кричали от боли, катаясь в серой грязи и пытаясь сбить пламя. Зеленый «Урал», управляемый мертвым водителем, полыхнул взрывом и медленно опрокинулся на бок. «Алла акбар!» – слышалось сквозь автоматные очереди.

– Мама-ааа, – плакал остриженный под ноль солдатик, ползая на животе и волоча за собой перебитые ноги. Освещаемые пламенем горящих машин, русские солдаты падали под кинжальным огнем, всё реже и реже огрызаясь ответным огнем. Наступила гулкая тишина, нарушаемая лишь стонами раненых и обгорелых людей, треском раскалённого, покорёженного металла. Выходящие из-за укрытий боевики перезаряжали оружие, тут же добивали раненых, стреляя в стриженные мальчишеские затылки. В сыром воздухе стоял запах свежей крови и горелого человеческого мяса.

– Мама, – продолжать шептать русский мальчик в солдатском бушлате, мама, спаси меня! Бородатый угрюмый человек подобрал брошенный автомат, носком сапога запрокинул его голову, выстрелил в окровавленное лицо. Выругался, увидев кровь на своём сапоге, брезгливо вытер его о воротник солдатского бушлата.

Прапорщик Савушкин, свесившись по пояс из люка, повис на броне. Алюминиевый православный крестик и солдатский жетон с выбитым на нём номером свисали с его шеи. Кровь стекала по его груди, шее, медленно капая на распятое тело Христа.

Всю ночь на этом месте пищали крысы и мелькали собачьи тени. Звери не боялись и не мешали друг другу – этот город уже давно принадлежал им. Трупы убитых солдат лежали несколько дней. По ночам жители города выползали из своих подвалов и укрывали изгрызенные тела кусками жести и шифера. Через неделю Чечня и Россия объявили перемирие.

Последний абрек

Всех зверей сильнее лев,
Птиц сильнее всех орёл.
Кто ж, слабейших одолев,
В них добычи б не нашёл?
Слабый волк на тех идёт,
Кто его порой сильней,
И его победа ждёт,
Если ж смерть – то встретясь с ней,
Волк безропотно умрёт!

Охотники говорили, что в горах, рядом с селением, появился огромный серый волк. Старый Ахмет, встретившись с ним однажды на горной тропе, потом утверждал, что у волка были человеческие глаза. Человек и зверь долго стояли, не шелохнувшись, молча смотря в глаза друг другу. Потом волк опустил морду и потрусил вниз по тропе. Старик, как зачарованный, ещё долго смотрел ему вслед, забыв о ружье, висевшем за его спиной.

Иногда в горах происходили странные вещи. Год назад сорвался в пропасть первый секретарь райкома Нарисов, приехавший со свитой на пикник. Следующей ночью люди в долине слышали, как всю ночь в горах выл волк. Багровый диск луны, затянутый тучами, казался громадным кровавым

пятном, готовым упасть на землю. Ахмет всю ночь не мог уснуть, ворочаясь в своей постели.

Ровно тридцать лет назад, февральской ночью 1944 года, вот так же светила луна. Тогда тоже были собаки, мычали буйволы и коровы. Это было в тот год, когда Сталин за одну ночь выселил всех вайнахов в холодные казахстанские степи. Ахмет тогда потерял младшего сына. Семнадцатилетний Шамиль ушел на охоту, а ранним утром село окружили студбекеры с солдатами. С тех пор Шамиль ничего не слышал о сыне. Старшего, Мусу, убили на войне, невестка погибла в дороге, когда их несколько недель везли в вагонах для скота. За два дня она «сгорела» от температуры. Остался у него на руках пятилетний Иса, сын Мусы и Айшат. Теперь вот на лето приезжал четырнадцатилетний правнук, тоже Шамиль.

Полгода назад в горах застрелили начальника милиции Ису Гелаева. Никто не видел, как это произошло, но люди говорили, что Гелаеву выстрелили прямо в сердце. Убийцы не тронули его дорогое ружье, с которым он поехал на охоту. Нашел его чабан из соседнего села. Потом он рассказывал, что в глазах мертвого Гелаева застыл ужас, будто перед смертью он увидел самого дьявола. Ещё чабан говорил, что рядом с телом были видны отпечатки огромных волчьих лап. В ту ночь, кажется, тоже был этот волк.

Утром Шамиль собирался идти на охоту. Ахмет не противился. Правнук должен был вырасти настоящим мужчиной, как и все в роду Магомаевых. Старики говорят, что че-

ченец рождается с кинжалом. Ахмет не одобрял городской жизни и городского воспитания. Москва, в которой жил правнук, — это порождение дьявола. Городские мужчины похожи на женщин, такие же слабые, так же любят поспать на мягких перинах и диванах, так же любят сладко есть и пить.

Шамиль поднялся ни свет, ни заря. С утра почистил двустволку, снарядил патроны. Когда Ахмет вышел во двор, мальчик играл со своим щенком Джали, у старика защемило сердце — правнук, как две капли воды, походил на его пропавшего сына: те же волосы, та же ямочка на щеке, та же родинка в виде полумесяца у левого глаза. Шамиль хотел взять с собой дедову бурку, но потом передумал — тяжело таскать. Свернул одеяло, сунул его в сумку, взял солдатский котелок, старинный кинжал. Сказал:

— Дедушка, я вернусь с охоты утром, не переживай. Ночевать буду в горах.

Старик только кивнул головой — мужчина не должен много говорить.

Весь день юный охотник лазил по горам. Джали увязался за ним следом. К вечеру Шамиль подстрелил козленка, освежевал его, разжег костер. Мясо запек на углях. Довольная собака, высунув розовый язык, лежала рядом. Прямо над головой висели звезды. Завернувшись в одеяло, мальчик задремал у костра. Неожиданно подул резкий ветер, ударил гром. Хлынул ливень. Прогоревшие угли костра зашипели под струями дождя, мальчика обступила кромешная тьма.

Схватив ружье и одеяло, Шамиль бросился к нише под скалой, но поскользнулся на мокром камне и покатился по склону, выронив ружье. Он попытался встать, но почувствовал острую боль в ноге. Плача от боли, пополз наверх. Добравшись до скалы, прижался к ней спиной, стараясь укрыться от струй воды.

По его щекам текли слезы, перемешанные с каплями дождя. Испуганный щенок жался рядом. Ружье и одеяло остались на склоне. Мальчик начал замерзать. Промокшая насквозь одежда не грела, его худенькое тельце сотрясала крупная дрожь. Подвернутая щиколотка распухла, доставляя мучительную боль. Он прижался к щенку, стараясь согреться. Поднялась температура, забытие перемежалось с явью. Вдруг Джали, наострив уши, зарычал, затем жалобно завизжал, пытаясь спрятаться за Шамиля.

Мальчик поднял голову и увидел стоящего рядом громадного волка. Глаза его горели желтым огнем, мальчику показалось, что от его боков идет пар. Волк долго бежал, из раскрытой пасти вырывалось жаркое дыхание.

Маленький охотник затаил дыхание, волк зарычал и подойдя ближе, лег рядом, закрывая его от дождя своим телом. Согревшись, мальчик и щенок задремали, не заметив, как закончился дождь и наступило утро. Волк тоже дремал, положив голову на передние лапы, и, казалось, он о чём-то думает, пытаясь принять какое-то решение. Неожиданно он поднялся, лизнул мальчика в лицо горячим языком и потру-

сил по тропе.

Через несколько минут появились люди. Ахмет держал в руках ружье. Увидев старика, Джали залаял, радостно завизжал, будто пытаюсь сказать: «Мы – здесь, мы – здесь! Не проходите мимо!» Кузнец Магомед взял мальчика на руки, завернул его в старую бурку, взятую с собой. Тело мальчика горело, он беспрерывно бредил и шептал:

– Дедушка, дедушка, я видел волка, он пришёл ко мне и согревал. Дедушка, он – не зверь, он хороший, он, как человек.

Расстроенный старик шептал:

– Бредит, не уберёг мальчика. Торопил Магомеда:

– Скорее, скорее!

Пока правнук болел, Ахмет ещё раз сходил на то место, где мальчика застала гроза. На подсохшей земле были видны отпечатки громадных лап, в нише, под скалой, между камнями, остались клочья серой шерсти. На сердце у старика было беспокойно. Отправив выздоровевшего внука в Москву, он почти не жил дома, на неделю уходил в горы, ища следы странного волка. Между тем, в селениях стали говорить о необычном звере. Старики качали головами – оборотень, мол, в тело этого волка вселилась душа человека, абрека, ушедшего в горы.

Однажды у дома, в котором жил Ахмет, затормозила райкомовская «Волга», из машины вышли инструктор райкома Махашев и незнакомый пожилой мужчина в строгом ко-

стюме и планкой орденов на пиджаке. Мужчине было под шестьдесят или где-то около этого, седая голова, внимательный взгляд. Что-то в его фигуре показалось Ахмету знакомым, было ощущение, что они где-то встречались. Поздоровавшись, Махашев представил гостя:

– Генерал-лейтенант Семенов, из Москвы, воевал в наших местах. Приехал поохотиться, вспомнить молодость. Ему нужен проводник в горах.

Старик не слышал его; перед его глазами стояла картина прошлого: колонна воняющих бензиновой гарью грузовиков, медленно поднимающихся в гору, зелёные фигурки солдат с автоматами в руках, злобно лающие овчарки и над всем этим – перетянутый ремнями военный, отдающий приказы. Тот же самый властный, внимательный взгляд, уверенные движения.

Старик стоял, сгорбившись, потом произнёс пересохшими губами.

– Къанвелла эпсар!

Волоча ноги, пошёл в дом. Громко хлопнула дверь, завизжал щенок. Инструктор хотел перевести фразу старика, но, взглянув на Семенова, осёкся. Генерал стоял бледный, сжав губы в узкую тонкую полоску. Полоснув Махашева взглядом, Семенов повернулся и пошёл к машине, инструктор поплёлся следом.

Старик продолжал ходить в горы.

Где-то в этих же местах охотился и Семенов. Они оба рыс-

кали в горах, но их пути не пересекались и больше они не встретились. Прошёл слух, что генерал на охоте ранил волка, но увезти в Москву шкуру ему не удалось. Раненый зверь ушёл в горы, чтобы зализать рану и набраться сил.

Однажды утром, охотясь в горах, старик увидел незнакомого бородатого мужчину, который поднимался по горной тропе. Несмотря на утреннюю прохладу, он был раздет по пояс. На мощной спине, покрытой волосом, виднелся свежий, бледно-розовый шрам от пули. На плечах он нёс убитую козу. Фигура незнакомца выплыла из тумана и через несколько мгновений исчезла. Человек двигался совершенно бесшумно, и старик мог поклясться, что никогда не видел его ни в одном из ближайших селений.

Однажды под утро его будто что-то толкнуло. Проклятая луна опять заглядывала в окна, не давая спать. В горах ударил выстрел. Джали, зарывав, стал царапать дверь. Старик, наскоро оделся и схватив ружье, поспешил за собакой. Пёс бежал впереди, опустив морду к земле и глухо подвывая. Ахмет спотыкаясь и падая, спешил за ним, его ноги дрожали.

У скалы, где раньше он нашёл внука, навзничь лежал генерал Семенов. Кровь из разорванного острыми зубами горла, запеклась на лице и груди. Рядом с ним лежал совершенно раздетый бородатый мужчина с развороченной картечью грудью.

На бородатом лице, рядом с родинкой в виде полумесяца, каплей росы застыла одинокая слеза...

Къанвелла эпсар (чечен.) – постарел офицер.

Современная Голгофа

В лето 2000 года от Рождества Христова, по пыльной и каменистой дороге, ведущей к аулу Тенги-Чу, пятеро вооруженных всадников гнали троих пленников. Беспощадное солнце заставило спрятаться всё живое, насекомые и твари укрылись под камнями и в расщелинах, ожидая наступления спасительной вечерней прохлады. В знойной и вязкой тишине раздавался лишь перестук копыт, да лошадиный храп. Рыжебородый Ахмет, натянув на нос широкую армейскую панаму и откинувшись в седле, негромко мурлыкал:

Со вина, со нага
Мастаги эгена
Хай конт осал ма хате.

Моя родимая мать,
Врагов разгромили,
И сын твой достоин тебя.

Невольники, едва переставляя ватные ноги, тянулись за лошадьми, увлекаемые натянутой верёвкой, привязанной к седлу. В некотором отдалении от них неторопливый ослик, недовольно помахивая хвостом, тянул за собой повозку на резиновом ходу. Повозка прыгала, попадая на камни, и тогда раздавался глухой стук, будто кто-то бил по крышке гроба –

бух-х, бух-х.

Повозкой управлял веснушчатый мальчик двенадцати лет, в руках у него было одноствольное охотничье ружье. Мальчик наводил его на пленников, потом звонко хохотал, щёлкая курком. Пленные были измучены, их мальчишеские тонкие шеи торчали из воротников грязных рубашек, разбитые в кровь ноги кровоточили. Солёный едкий пот стекал по щекам, разъедая подсохшую корочку ссадин и оставляя на серой от пыли и грязи коже кривые дорожки следов.

Из-за выступа горы показались крыши домов. Встрепенувшийся Ахмет остановил колонну, привстав на стременах, долго всматривался в сонные, безлюдные улицы. Раздувая ноздри тонкого хищного носа, вдыхал запах родного аула, дым костров, парного молока, свежеиспечённого хлеба. В ауле влаивали собаки, чуя запах чужих.

Ахмет что-то крикнул на своём гортанном языке. Двое всадников, спешившись, развязали пленникам руки. Солдаты без сил опустились на дорогу, прямо в горячую серую пыль.

Из бездонной глубины Галактики Отец Создатель протянул свои руки к маленькой голубой планете, бережно оцупывая своё творение, разгоняя завесы зла и боли, клубящиеся над Землёй.

Из-за каменных заборов люди молча смотрели на громающую повозку, молчаливых всадников с оружием, плен-

ных солдат, несущих на согнутых спинах огромный пятиметровый крест. Грубо оструганные сосновые перекладины припечатывали их тела к земле. Застывшие капельки смолы бу-синками крови застывали на свежеструганном дереве. Казалось, что мёртвое дерево плачет по ещё живым людям. Старики, женщины и дети вышли из своих домов, молча пристраиваясь вслед идущей процессии.

Солдаты-срочники и прапорщик неделю назад были взяты в плен под Урус-Мартаном, когда устанавливали крест на месте гибели своего замполита. На площади перед зданием бывшего сельсовета солдаты положили крест на землю, равнодушно стучаясь плечами, выкопали яму, укрепили крест в земле. Люди смотрели на происходящее со смешанным чувством страха и любопытства. Мальчишки кидали в солдат камни, старики, отделившись от толпы, опирались на свои палки, тыча в пленных заскорузлыми сухими пальцами. На вид двум солдатам было не больше 18–20-ти лет, испуганные мальчишеские лица белели тетрадными листами в приближающихся сумерках. Прапорщик, чуть более старший по возрасту, безостановочно сглатывал вязкую липкую слюну, борясь с приступом смертельного страха. Безоблачное небо стало затягиваться серыми тучами, подул лёгкий ветерок.

Ахмет что-то крикнул, бородатые люди стали подгонять палками солдат, заставляя их работать быстрее. Приготовления были закончены. Мальчишек-срочников поставили по краям креста, прапорщика проволокой привязали к пере-

кладине. Ахмет зачитывал длинный лист бумаги. «За творимые на чеченской территории преступления, убийства людей... изнасилования... грабежи... суд шариата... приговорил...»

Поднявшийся ветер относил в сторону его слова, тре-пап лист бумаги, забивал рот, мешая говорить «...приговорил, с учётом обстоятельств, смягчающих вину... молодость и раскаяние солдат срочной службы Андрея Макарова и Сергея Звягинцева к ста ударам палками. Прапорщика... российской армии... за геноцид и уничтожение чеченского народа, разрушение мечетей и осквернение священной мусульманской земли и веры... к смертной казни...» Один из конвоиров, выполняющий обязанности палача, взобравшись на табуретку, несколькими короткими сильными ударами вбил в запястья рук толстые длинные гвозди. Ржавыми плоскогубцами перекусил проволоку. Повисший на гвоздях человек застонал и мучительно выдохнул: «Оте-е-ец».

Солдат тут же на площади разложили на земле. Длинные суковатые палки разорвали кожу, мгновенно превратив её в кровавые лохмотья. Человек на кресте хрипло и тяжело дышал, на светлых ресницах дрожала прозрачная слеза. Люди расходились по домам, на площади лежали распластанные тела, жутко белел покосившийся крест. В соседних домах выли собаки, человек на кресте был ещё жив, покрытое испариной тело дышало, искусанные в кровь губы шептали и звали кого-то...

На безлюдной площади остался один Ахмет. Раскачиваясь с носков на пятки, он долго стоял перед хрипящим человеком, бессильно пытающимся поднять голову и что-то сказать.

Ахмет вытащил из-за пояса нож, пристав на цыпочки, сверху вниз разрезал его рубашку, усмехнулся, заметив на впалой мальчишеской груди белеющий алюминиевый кре-стик:

– Что же, солдат, тебя не спасает твоя вера, где же твой бог?

– Мой Бог – Любовь, она вечна, – почерневшие губы едва шептали.

Оскалив крепкие жёлтые зубы, коротко размахнувшись, Ахмет ударил ножом. Небо разорвалось страшным грохотом, ударил гром и темнота опустилась на землю. Капли дождя омывали мертвые тела, смывая с них кровь и боль. Небо плакало, возвращая на землю слёзы матерей, оплакивающих своих детей.

Маленький светлоголовый мальчик, похожий на своего отца, как две капли воды, держался за его руку:

– Папа, что такое Бог? – спросил он.

– Бог – это любовь, сынок. Если ты будешь верить в Господа и любить всё живое, тогда ты будешь жить вечно, потому что любовь не умирает.

Длинные ресницы дрогнули, мальчик спросил:

– Папа, это значит, что я никогда не умру?

Отец и сын шли по заваленной желтыми листьямиallee, вслушиваясь в колокольный перезвон. Жизнь продолжалась, как и две тысячи лет назад. Маленькая голубая планета двигалась по орбите, вновь повторяя и повторяя свой путь.

Школа ненависти

Первый раз Сергей Макаров попал в плен, отслужив в армии шесть месяцев. Ночью пошёл в туалет, в темноте его ударили по голове и забросили в «Камаз». В фургоне связали руки, заклеили скотчем рот и за двойной перегородкой перевезли в Чечню. Рядом с ним сидел бородатый «чех», который постоянно что-то жевал. Перед блокпостами чеченец упирался стволом автомата в промежность Сергея и трогал указательным пальцем спусковой крючок. Машину никогда не «шмонали», водитель выходил из кабины, что-то говорил дежурившим омоновцам, и ехали дальше. К утру они уже были в каком-то чеченском селе. Сергея держали в подвале дома. Он был перегороден решетками, как в настоящей тюрьме. Вместе с ним сидели двое контрактников и ингуш-учитель, который приехал в Чечню искать своего брата. Учителя скоро отпустили. Один из контрактников слышал, что родственники как-то договорились с похитителями, то ли заплатили выкуп, то ли на кого-то обменяли.

Кормили один раз в день: в алюминиевых солдатских котелках приносили суп, кашу, макароны, часто даже с мясом. Работать не заставляли, иногда говорили, чтобы принес воды, убрал у скота. Он попробовал однажды наколоть дрова, взял ржавый топор, за что тут же получил прикладом по голове. Присматривающий за ним его ровесник Магомет, пе-

редёрнув затвор, сказал, что в следующий раз застрелит. Макаров по глазам видел, что тот не шутит.

Сам Сергей не знал, сможет ли он застрелить человека. Его почти не били. Так, иногда, когда старый Иса куда-нибудь уходил, во дворе дома появлялись пацаны 15–17-ти лет. Они выводили из подвала Сергея или кого-нибудь из контрактников и отрабатывали удары. Очень досаждал соседский Шамиль, обязательно норовил ударить сапогом в пах или лицо. Изображал из себя крутого парня. Возвращаясь домой, Иса по-чеченски ругался на Магомета. Сергей догадывался, что старик сердится за то, что пацаны портят принадлежащую ему вещь. Один из контрактников, родившийся в Грозном, потом сказал, что Макарова хотят обменять на старшего сына старика – Беслана, который сидел в Чернокозовском изоляторе.

Контрактников били каждый день, их ненавидели особенно люто. Однажды вечером, когда обкурившиеся анаши «чехи» – не пацаны, а боевики из отряда Хултыгова поработали особенно ударно, сломали рыжему Толику из Волгограда нос и два ребра, контрактники решили бежать. Олег из Грозного, который в последнем бою убил троих «чехов», сказал, что их менять не будут. Чеченцы за них просят очень много, а платить некому. Менять их на боевиков никто не будет, у Родины есть гораздо более важные вопросы. Толик бежать не мог, Серёгу Олег брать с собой не стал.

– Понимаешь, браток, – говорил он, – шансов у меня один

из тысячи. В лесу долго не высидишь, зима, замёрзну. К тому же леса они знают, как собственные пять пальцев. Спрятаться мне негде, русские боятся, а «чехи» не захотят. Наши в прошлую войну такого наворотили, что даже и говорить об этом не стоит. Оставаться здесь не хочу – не сегодня, так завтра или забьют до смерти, или зарежут, как барана. «Чехи» это делают очень хорошо.

А тебя скоро обменяют, я слышал, Иса говорил женщинам, что командир за тебя хлопочет, ему сейчас трибунал корячится.

Ночью Олег достал спрятанный длинный гвоздь, открыл дверь и ушёл. Хватились его только утром. Чеченцы были так озабочены поисками, что Сергея с Толиком даже не били, правда, забыли и покормить. Иса очень ругался на Магомета, даже пару раз ударил его своей палкой, потом похромал к Хултыгову. Тот отправил десять человек на лошадях искать беглеца в лесу, а сам с боевиками пошёл по селу. Олега нашли под вечер. Гвоздём он убил старика и засел в подвале дома с его двустволкой. «Чехи» кинули гранату РГД: Олега не убило, только контузило. Потом за ноги его притащили к Исе, и Магомет ножовкой отпилил ему голову.

После побега пленных посадили в погреб, на работу не выводили, целыми днями они лежали на вонючей соломе, давили мокриц, думали каждый о своем. Наконец Макарова вывели во двор, завязали глаза и куда-то повезли. Дорога была ухабистой. Сергей бился головой о борта, догадывался,

что везут на обмен.

На блок-посту стоял узик комбата, два БТРа, напротив них несколько джипов с боевиками. Прямо на крыше одной из машин был установлен крупнокалиберный пулемёт. Комбат о чём-то коротко переговорил с бородатым моджахедом, как видно старшим. Тот махнул рукой. Макарова вывели из машины, подвели к комбату.

– Ну, что, солдат, живой, все органы на месте? – Кивнул капитану со змеями на петлицах. – Ну-ка, Док, посмотри пациента.

Доктор быстро и сноровисто осмотрел его рот, уши, пальцы, спросил грубовато-насмешливым голосом:

– Яйца на месте, солдат, отрезать не успели? Значит, повезло, такое тоже бывает. Пулемёты на БТРах настороженно и пугливо косили на них своими длинными носами.

В часть Макарова отправили не сразу, пару недель он провёл в Моздокском госпитале. Несколько раз к нему приезжал особист, расспрашивал, при каких обстоятельствах попал в плен, у кого держали, как часто били, кто из пленных находился вместе с ним. Особист угощал сигаретами, был участлив. Когда Сергей рассказал о том, как погиб контрактник Олег, он долго молча смотрел в окно, потом сказал:

– Всякая война – подлая штука, гражданская война омерзительна вдвойне, потому что воевать приходится со своими согражданами.

Уходя, офицер сказал:

– Для тебя, солдат, война, наверное, закончилась. Завтра должна приехать твоя мама. Если больше не увидимся, желаю тебе успеха, – пожал руку и ушел, большой и сильный мужчина, от которого даже на войне пахло хорошим и дорогим одеколоном.

Раненых и больных солдат в госпитале переодевали в застиранные кальсоны или старое обмундирование, которое носили ещё в советской армии. В уродливом тряпье, с цыпками на руках и болячками по всему телу Макаров чувствовал себя не солдатом могучей военной державы, а отбросом общества.

На следующий день приехала мать. Сергей набросил на плечи шинель, провёл её в палатку, где на двухъярусных кроватях лежали больные. Мать прижимала к своей груди его голову, плакала, рассказывала, потом снова плакала:

– Дома всё хорошо, отец наконец-то нашёл работу. – Она единственный раз за всю встречу улыбнулась. – Отец стал такой заботливый. Когда я собирала тебе гостинцы, он сам бегал по магазинам, по рынкам, брал тебе всё самое лучшее. Отец у Сергея был неродным, и отношения до армии у них были натянутыми.

– Я как узнала, что тебя украли, хотела всё бросить и ехать на поиски. Сына учительницы Нины Ивановны тоже раненым в плен захватили, так она полгода его в Чечне искала, до самого главного чеченского командира дошла – Дудаева или Басаева, даже не знаю. Простые люди ей искать помогали, те

же чеченцы её кормили и ночевать пускали. – Она вздохнула. – Господи, и когда же кончится эта война?

К вечеру мать уехала. Она работала медсестрой в больнице, и утром ей надо было быть на работе. Перед отъездом она робко спросила, тая в голосе надежду:

– Сережа, а тебя не отпустят домой, хотя бы в отпуск? Ты ведь такое пережил.

Не зная почему, Сергей ответил:

– Мама, я буду служить.

Через неделю в госпиталь пришёл грузовой «Урал» и Макаров уехал в полк. Спустя несколько месяцев, под Грозным «чехи» расстреляли мотострелковую колонну. Оставшихся в живых вывели на отдых, убитых вывезли в цинках и полиэтиленовых мешках. Подразделение, в котором служил Сергей, перебросили на их место. Вместо Грозного были сплошные руины, из под развалин били снайперы. У «чехов» было много наёмников, женщины-биатлонистки, арабы, татары, попадались даже славяне – русские, хохлы из организации УНА УНСО. Воевать они умели, устраивали засады, минировали дороги, резали часовых, война им была привычна.

Сентябрьским утром два БРДМа разведки попали в засаду. Передняя машина подорвалась на фугасе. Пока водитель второй машины пытался развернуться, её подбили из гранатомёта. Экипаж машин погиб сразу, уцелевшие десантники укрылись в развалинах молокозавода. Оборону заняли в цехе. В живых осталось восемь человек. На каждого было по

четыре магазина и по пять выстрелов к подствольнику.

«Чехи» били по цеху из автоматов, орали «Аллах ак-бар!» Пули попадали в пустые ёмкости-цистерны, рикошети-ли, звенели. Стоял жуткий грохот. Через полчаса боя кончи-лись патроны. Когда из цеха перестали раздаваться выстре-лы, «чехи» пошли в атаку. Пятнистые бородатые фигуры с зелёными повязками на лбу двигались перебежками. Дога-давшись, что у солдат кончились патроны, стали поднимать-ся с земли и хохотать:

– Русский, выходи, не бойся, долго мучить не будем, убьём сразу.

В это время солдаты ударили из восьми подствольников, «чехи» исчезли, их сдуло, как ветром. Оставшиеся в живых связались с кем-то по рации, через полчаса притащили гра-натомёты. После второго залпа на Сергея обрушилась стена, и он потерял сознание под завалом кирпичей.

Очнулся Макаров в кузове грузовой машины. Страшно болела голова, лицо и руки были в чём-то липком, пахло свежей кровью. Он попробовал приподняться в темноте, но на его грудь наступил тяжелый сапог. Несколько дней Сер-гея и ещё десяток пленных держали в подвале разбитого до-ма, днём и ночью у дверей сидел «чех» с автоматом. Сре-ди пленных было двое штатских, корреспондент какой-то га-зеты, приехавший в Чечню за горячими репортажами и от-ставной подполковник, лётчик. «Чехи» нервничали, орали на пленных, не задумываясь, пускали в ход кулаки.

Особенно тяжело приходилось гражданским. В той жизни, до плена, они не могли себе такого даже представить. Потрясённый журналист всё время повторял: «Если я останусь жив, напишу такую книгу, что весь цивилизованный мир содрогнётся. Здесь будет второй Нюрнберг, я назову всех, кто организовал этот геноцид, нашего президента в первую очередь».

Журналиста застрелили в первый же день. Пленных гнали за колонной боевиков. На них нагрузили мешки с провиантом, медикаментами, вещами. Большое рыхлое тело, привыкшее к мягкому креслу и спокойной жизни, отказалось повиноваться. Журналист сел на дороге и сказал:

– Больше не могу, можете меня убить.

Его никто не уговаривал и не поднимал – отряд спешил.

К нему просто подошёл один из боевиков и выстрелил ему в рот. Тело журналиста осталось лежать в придорожной канаве. Лётчик с содроганием произнёс:

– Господи, я вспомнил, это же был журналист с мировым именем. Я читал его очерки в западных газетах.

После этого убийства у Саши, московского МЧСовца, привезшему в Чечню гуманитарную помощь, поехала крыша. Он безостановочно что-то бормотал. На коротком привале он кинулся на часового и стал его душить. Его били по голове сапогами и прикладами автоматов. Когда Саша отпустил горло, его за ноги оттащили в сторону и после короткого совещания отрубили сначала руки, потом голову.

Ночевали в лесу. Боевики разожгли костёр. Пленные сгруппировались в одну кучу – так было теплее. Сергей отошёл под дерево справить нужду. Вытащил из ботинок шнурки, сделал удавку. Потом вернулся к своим. Боевики дежурили у костра по двое, несколько раз за ночь часовые подходили к пленным, светили фонариком, пересчитывали. Сергей подождал, когда один из часовых залез в палатку. Потом он подполз к костру и дождался, когда второй караульный хоть на минуту выпустит из рук автомат, накинул ему удавку на шею и, упершись коленями в спину, задушил. Затем снял с мёртвого тела вонючую разгрузку с запасными магазинами и гранатами, с пояса – длинный нож в кожаных ножнах. Мёртвое тело оттащил в темноту, накинул на себя бушлат, натянул на глаза шапку, сделал вид, что дремлет. В это время вернулся первый часовой, от него пахло запахом анаши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.